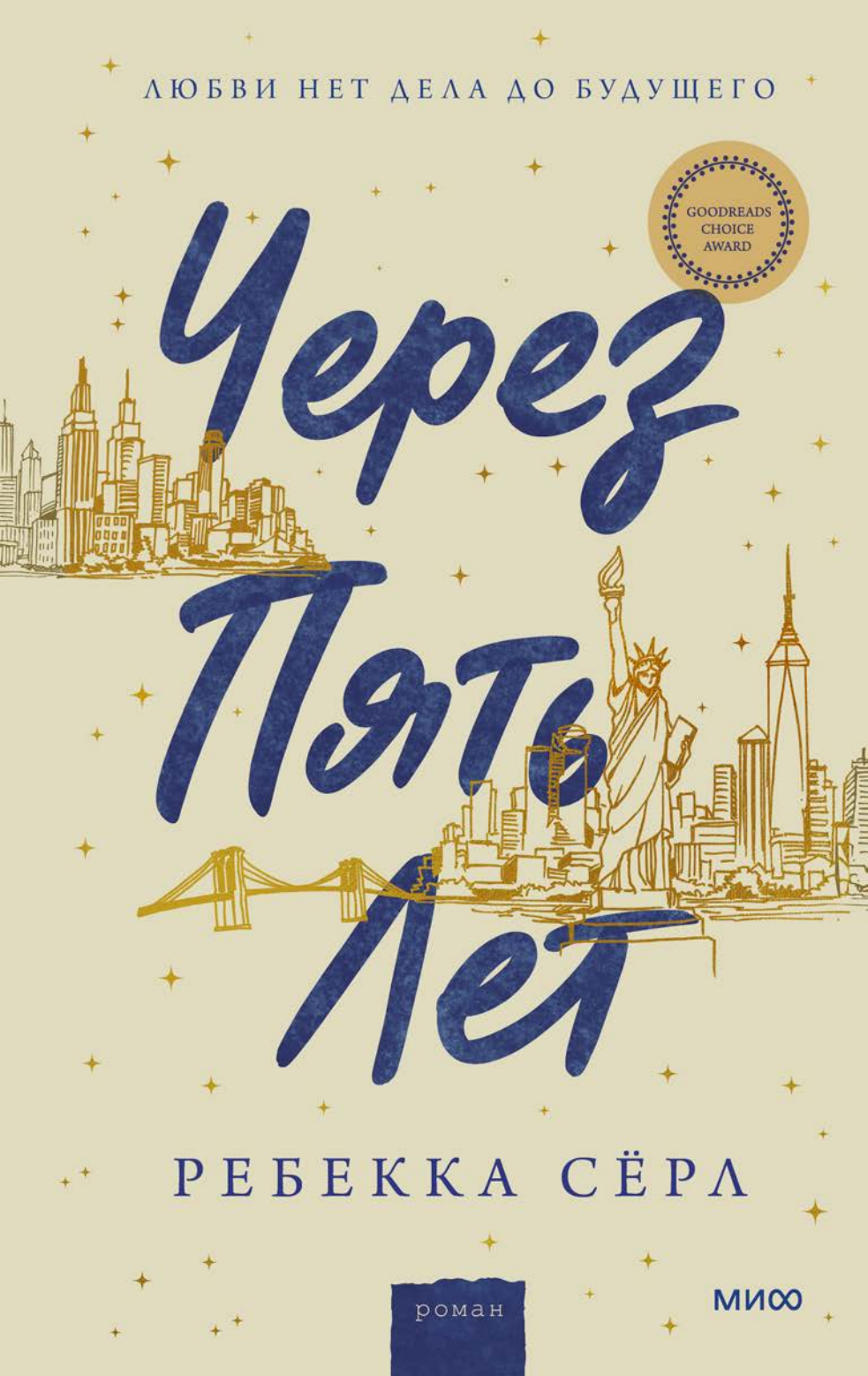


ЛЮБВИ НЕТ ДЕЛА ДО БУДУЩЕГО

GOODREADS
CHOICE
AWARD



Через Пять Лет

РЕБЕККА СЁРА

роман

МИО

Оглавление

Глава первая	7
Глава вторая	22
Глава третья	30
Глава четвертая	42
Глава пятая	49
Глава шестая	53
Глава седьмая	63
Глава восьмая	73
Глава девятая	79
Глава десятая	87
Глава одиннадцатая	94
Глава двенадцатая	102
Глава тринадцатая	114
Глава четырнадцатая	118
Глава пятнадцатая	130
Глава шестнадцатая	137

Глава семнадцатая	142
Глава восемнадцатая	148
Глава девятнадцатая	151
Глава двадцатая	159
Глава двадцать первая	171
Глава двадцать вторая	177
Глава двадцать третья	186
Глава двадцать четвертая	192
Глава двадцать пятая	199
Глава двадцать шестая	207
Глава двадцать седьмая	215
Глава двадцать восьмая	221
Глава двадцать девятая	224
Глава тридцатая	233
Глава тридцать первая	239
Глава тридцать вторая	243
Глава тридцать третья	247
Глава тридцать четвертая	252
Глава тридцать пятая	257
Глава тридцать шестая	263
Глава тридцать седьмая	270
Глава тридцать восьмая	273
Глава тридцать девятая	278

Глава сороковая	282
Глава сорок первая	287
Послесловие	293
Слова благодарности.	298

Глава первая

Двадцать пять. Каждое утро, прежде чем открыть глаза, я считаю до двадцати пяти. Отличный способ, чтобы расслабиться, вспомнить, какой сегодня день и год, сосредоточиться, настроиться на серьезный лад и, если уж начистоту, дожждаться, когда лежащий рядом со мной Дэвид, мой парень, выберется из постели, включит кофеварку и спальню наполнит аромат жареных кофейных зерен.

Тридцать шесть. Тридцать шесть минут требуется, чтобы почистить зубы, принять душ, протереть лицо тоником, нанести на него дневной крем, накраситься и одеться. Если я мою голову, тридцать шесть минут превращаются в сорок три.

Восемнадцать. Восемнадцать минут занимает путь от нашей квартиры в Марри-Хилл до Восточной Сорок седьмой улицы, где располагается юридическое бюро «Суттер, Бойт и Барн».

Двадцать четыре. По-моему, через двадцать четыре месяца свиданий и ухаживаний самое время съехаться вместе.

Двадцать восемь. Подходящий возраст для помолвки.

Тридцать. Подходящий возраст для замужества.

Меня зовут Данни Кохан, и я верю в магию чисел.

— Удачного собеседования! — приветствует меня Дэвид.

Я замираю на пороге кухни. Собеседование. Сегодня. Пятнадцатого декабря... На мне банный халат, мокрые волосы тюрбаном замотаны в полотенце. Дэвид до сих пор в пижаме, тронутая сединой каштановая шевелюра топорщится в беспорядке. Дэвиду нет и тридцати, а он уже седой как лунь. Но мне это нравится. Седина придает ему своеобразное благородство, особенно когда Дэвид надевает очки. А очки он надевает довольно часто.

— Спасибо.

Я обнимаю его, целую в шею, затем в губы. Бояться мне нечего — я только что почистила зубы, а дыхание Дэвида и без того свежее. Поначалу, когда мы только-только начали встречаться, я думала, Дэвид поднимается раньше меня, чтобы побыстрее выдавить на щетку зубную пасту, и лишь позже, когда мы стали жить вместе, мне открылось, что никакой нужды в этом у Дэвида нет. Таким уж он уродился: его дыхание всегда чистое, как весеннее утро. Чего нельзя сказать обо мне.

— Кофе готов.

Он не успел вставить контактные линзы и близоруко щурится, пытаясь разглядеть чашки. Лицо его страдальчески морщится, и у меня сжимается сердце.

Наконец он находит мою чашку и наполняет ее дымящейся жидкостью. Я открываю холодильник. Дэвид протягивает мне чашку, и я от души разбавляю кофе сливками. Сухими сливками с привкусом фундука. Для Дэвида портить кофе подобным «осветлителем» — настоящее святотатство, но он все равно покупает сливки, лишь бы меня порадовать. Такой вот он человек. Рассудительный и щедрый.

Обхватив ладонями чашку, я присаживаюсь в нише у окна и смотрю на Третью авеню. Марри-Хилл не самый уважаемый район Нью-Йорка, а заполонившие его еврейские общины и выпускники колледжей в толстовках «Пенн», толпами понаехавшие из приграничных Нью-Джерси и Коннектикута, и вовсе отпугивают от него добропорядочных граждан. Но где еще в этом городе мы смогли бы арендовать двухкомнатную квартиру с оборудованной кухней-столовой в доме с привратником? А ведь, говоря между нами, мы с Дэвидом зарабатываем до неприличия больше денег, чем наши двадцативосьмилетние сверстники.

Дэвид — инвестиционный банкир в компании «Тишман Шпейер», вкладывающейся в недвижимость. Я корпоративный юрист. И сегодня у меня собеседование в ведущей юридической фирме Нью-Йорка. В «Уочтелле». В святой святых. В земле обетованной. В легендарной цитадели из серого бетона и черного гранита на Западной Пятьдесят второй улице. В овечьей славы штаб-квартире, где трудятся выдающиеся юристы страны. Где представляются интересы всех самых знаменитых компаний, от названий которых кружится голова: «Боинг», «Эй-Ти-энд-Ти», «ИНГ Групп». Эпохальные слияния корпораций, сделки, влияющие на мировые рынки, — все происходит внутри этих стен.

Я мечтала работать в «Уочтелле» чуть ли не с пеленок. И когда отец отвозил меня в город полакомиться мороженым в «Серендипити» и сводить на дневной спектакль, мы обязательно глазели на высоченные здания на Таймсквер, а иногда, повинувшись моему неодолимому порыву, прогуливались до Западной Пятьдесят второй улицы,

и я, запрокинув голову, смотрела и не могла насмотреться на дом под номером пятьдесят один, где располагались головные офисы Си-би-эс и «Уочтелла», обосновавшегося там с 1965 года.

— Ты сразишь их наповал, котенок.

Дэвид потягивается, поднимая над головой руки, и его футболка задирается, обнажая живот. Дэвид длинный и тощий, и стоит ему потянуться, как все его куцые футболки ползут вверх. Впрочем, я ничего не имею против.

— Готова?

— Разумеется.

Когда мне позвонили и пригласили на собеседование, я подумала, что это розыгрыш. Рекрутер из «Уочтелла»? Ага, как же! Наверняка очередной прикол Беллы. Белла — моя лучшая подруга, и ее хлебом не корми — дай над кем-нибудь посмеяться. Взбалмошная блондинка, она блондинка и есть. Один ветер в голове. Однако я ошиблась. И фирма «Уочтелл, Липтон, Розен и Кац» действительно позвала меня на собеседование. Сегодня, пятнадцатого декабря. Я взяла маркер и жирно обвела этот день в ежедневнике, чтобы ничто не стерло его из моей памяти.

— Не забудь, — напоминает Дэвид, — у нас сегодня праздничный ужин.

— Не уверена, что получу работу прямо сегодня, — отвечаю я. — Обычно работодателю требуется время все обдумать.

— Неужто? — игриво ухмыляется Дэвид. — А вот я уже все обдумал.

Дэвид — тот еще Казанова. Обольстит любую. А ведь так и не скажешь, что в этом чопорном и благообразном педанте скрыта целая бездна обаяния и остроумия. Я обо-

жаю его чувство юмора. Оно-то меня к нему поначалу и привлекло.

Я удивленно приподнимаю бровь, и Дэвид тушуетя.

— Считаю, работа у тебя в кармане, — убеждает он. — Все будет так, как мы задумали.

— Спасибо, что веришь в меня.

Пора уводить разговор в сторону, а то Дэвид того и гляди проболтается. Он просто не умеет хранить секреты и врать. А я и без него знаю, что произойдет сегодня вечером. Сегодня, спустя два месяца после того, как мне исполнилось двадцать восемь лет, Дэвид Эндрю Розен предлагает мне предложение.

— Отруби с изюмом и половинка банана? — Дэвид протягивает мне глубокую тарелку.

— Не-а. Сегодня великий день, значит, мне полагается бейгл с треской. Сам знаешь. Только так.

Еще до звонка из «Учтелла» я, бывало, заглядывала в ресторанчик «У Сарджа», что на Третьей авеню. Салат с треской в бублике-бейгле у них вкуснее, чем в центре, в закусочной «У Каца», а очереди меньше: даже когда в ресторанчик набивается народ, ждать приходится не более четырех с половиной минут. Работают они просто молниеносно.

— Жвачку взяла? — спрашивает Дэвид, присаживаясь рядом.

Я киваю, закрываю глаза и отпиваю кофе. Рот наполняется сладостью, по телу разливается блаженное тепло.

— Что-то ты не торопишься, — замечаю я.

И вдруг меня осеняет: да ведь он давным-давно должен был уйти! Он работает так же, как и фондовые биржи. Неужели, изумляюсь я, он отпросился на целый день? Может, он до сих пор не купил мне кольцо?

— Подумал, надо бы тебя проводить. — Дэвид бросает мимолетный взгляд на часы. «Эпл», мой подарок на вторую годовщину нашего знакомства, которую мы отметили четыре месяца назад. — Однако я действительно засиделся. Решил забежать на тренировку перед работой.

Тренировка, скажет тоже. Дэвид совершенно не спортивный тип. У него абонемент в фитнес-клуб «Эквинокс», но я подозреваю, что за два с половиной года он появлялся там от силы два раза. Он от природы худой как жердь и порой бегает по выходным. И значит, этот его абонемент — выброшенные на ветер деньги. А из-за бессмысленных трат мы обычно ругаемся до хрипоты, поэтому сегодня я прикусываю язык. Не хочу портить этот день. Особенно его начало.

— Конечно, конечно, — соглашаюсь я. — А мне пора собираться.

— Но время есть...

Дэвид обнимает меня, скользит рукой за ворот халата. Я вздыхаю и начинаю отсчет: раз, два, три, четыре...

— Боюсь, так ты неминуемо опоздаешь, — осаживаю его я. — Да и мне надо сосредоточиться.

Он покорно кивает и целует меня.

— Что ж, наверстаем ночью.

— Ловлю на слове.

Я игриво щиплю его за руку.

На прикроватной тумбочке в спальне, на подставке, оживает мобильник, и я спешу на его зов. На экране появляется белокурая голубоглазая богиня-шикса с высунутым языком. Белла. Вот так сюрприз. Если моя лучшая подруга ни свет ни заря на ногах, значит, она еще не ложилась. Обычно она просыпается только к обеду.

— Утро доброе! — усмехаюсь я. — Ты где? Не в Нью-Йорке?

Она зевает. Мое воображение услужливо рисует берег океана, террасу и растянувшуюся в шезлонге Беллу в шелковом, водопадом струящемся кимоно.

— Не, в Париже.

Ну теперь понятно, почему она в состоянии общаться в такую рань.

— А мне казалось, ты улетаешь сегодня вечером...

Я проверяю ее рейс на телефоне: «Американские авиалинии», рейс 57. Вылет из аэропорта Ньюарка в 18:40.

— Решила вылететь пораньше. Папуле приспичило во что бы то ни стало поужинать со мной сегодня. И перемыть мамуле косточки. — Белла замолкает, чихает и продолжает щебетать: — А у вас какие планы?

Неужели она все знает? Наверняка Дэвид ей проболтался. Они с ней два сапога пара: как и Дэвид, Белла язык за зубами держать не умеет. А уж тем более — хранить от меня тайны.

— Сегодня меня ждут великие дела, а вечером — званный ужин.

— Ага, верно. Ужин, — хихикает Белла.

Да, она все знает.

Я переключаю телефон на громкую связь и встряхиваю волосами. На то, чтобы их высушить, потребуется семь минут. Я смотрю на часы. 8:57. Времени — уйма. Собеседование назначено на одиннадцать.

— У меня руки так и чесались позвонить тебе три часа назад.

— Ох, ну это уж чересчур.

— Да ладно, ты все равно бы ответила. Ты же чокнутая.

Ну да, я не отключаю телефон даже ночью.

С Беллой мы дружны с самого детства. Я благовоспитанная еврейская девочка из Мейн-Лайна, аристократического пригорода Филадельфии. И Белла — франко-итальянская принцесса, чьи родители с такой помпой отметили ее тринадцатилетие, что посрамили все проходившие по соседству бар-мицвы. Белла капризная и избалованная. Живая как ртуть. Волшебна прекрасная. Не то что я. Она околдовывает всех, кто оказывается рядом. В нее нельзя не влюбиться: с такой легкостью она дарует свою любовь. И в то же время Белла хрупка и ранима. И под ее нежной кожей бьется столь пылкое сердце, что за него становится страшно — не дай бог оно разобьется.

Банковский счет ее родителей неисчерпаем и всегда под рукой, чего, к сожалению, не скажешь о самих родителях. У них никогда нет времени на дочь. Они никогда не уделяют ей должного внимания. Можно сказать, Белла выросла в моем доме. И мы стали с ней не разлей вода.

— Белль, мне пора уходить. У меня собеседование.

— Точно! В какой-то там почте...

— В «Учителе».

— Что наденешь?

— Наверное, черный костюм. Как обычно.

Я мысленно перебираю свой гардероб. Хотя кого я обманываю — я выбрала этот костюм сразу после звонка рекрутера.

— Потрясно, — пренебрежительно фыркает Белла, и я представляю, как она брезгливо морщится, словно в ее крошечный нос-кнопку ударила вонь протухшей рыбы.

— Когда вернешься? — спрашиваю я.

— Думаю, во вторник. Не знаю пока. Если встречу с Реналдо, махну с ним на Ривьеру на несколько дней. Ты не поверишь, но зимой там так здорово. Вокруг ни души. Все побережье в твоём распоряжении.

Реналдо. Это ещё кто? Похоже, он был у неё до пианиста Франческо, но после режиссера Маркуса. Белла постоянно влюблена, постоянно. Но все её романы, такие глубокие и волнующие, длятся не более пары месяцев. Не помню, был ли у неё хоть когда-нибудь настоящий «друг сердца». Если только в колледже... Да, кстати, а что стряслось с Жаком?

— Повеселись там хорошенько, — напутствую её я. — Напиши, когда прилетишь, и сбрось фотки, особенно этого твоего Реналдо. Ты же знаешь, я на твоих парней досёе собираю.

— Как скажешь, мамочка, — паясничает Белла.

— Люблю тебя.

— А я тебя больше.

Высушив волосы феном, я распускаю их, беру утюжок-выпрямитель и провожу им от корней до кончиков, чтобы не выглядеть курчавым барашком. Вдеваю в уши бриллиантовые сережки-гвоздики и защелкиваю на запястье любимые часы «Мовадо». Сережки мне подарили родители в честь окончания колледжа, а часы — Дэвид на прошлогоднюю Хануку. Черный костюм, вычищенный и выглаженный, висит на дверце встроенного шкафа. Под него, чтобы потрафить Белле, я надеваю красно-белую блузку с оборками. Вдыхаю, так сказать, искру жизни.

Возвращаюсь на кухню и кружусь перед Дэвидом. Дэвид как сидел в пижаме, так и сидит. Неужели он и впрямь взял выходной на целый день?

- Ну как тебе?
- Ты принята! — восторженно восклицает он, притягивает меня к себе и нежно целует в щеку.
- На это я и рассчитываю, — улыбаюсь я.

*

Как и ожидалось, в 10:00 «У Сарджа» почти никого нет: постоянные клиенты обычно завтракают здесь с утра пораньше, так что уже через две минуты и сорок секунд я получаю бейгл с треской. Иногда я остаюсь и ем в самом ресторанчике, у стойки у окна, где нет стульев, зато достаточно места, чтобы куда-то приткнуть мою сумку, но сегодня я решаю перекусить на ходу.

Нью-Йорк по-рождественски праздничен. Весело горят уличные фонари, витрины затянуты морозным узором. Всего-то минус один. Жара! Снега нет, и я вольготно цокаю каблуками по чистым мостовым. Хорошее начало — половина дела.

К штаб-квартире «Учтелла» я подхожу в 10:45. Чувствую от страха ком в горле и от греха подальше выбрасываю недоеденный бейгл. Вот оно. То, ради чего я трудилась последние шесть лет. Да какие там шесть! Последние восемнадцать лет своей жизни! Школьные экзамены, тесты по истории, подготовка к вступительным испытаниям на юридический факультет, бессонные ночи, выволочки от начальства за что-то не сделанное мною, разносы от руководства за что-то сделанное мною, каждый мой вздох, каждый мой шаг — все вело меня сюда, к моей мечте, моей цели.

Кинув в рот подушечку жевательной резинки, я набираю полную грудь воздуха и толкаю дверь.